

A man and a woman are standing in front of modern buildings. The woman is wearing a white double-breasted blazer and has her hands clasped in front of her. The man is wearing a bright pink polo shirt and has his hands on his hips. They are both looking directly at the camera.

Лана Полякова

ИЗМЕНА

ОДИНОЧЕСТВО
ВДВОЁМ

Лана Полякова

Измена. Одиночество вдвоем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69532678

SelfPub; 2023

Аннотация

Выходя замуж за очаровательного фантазера и сказочника, жить приходится с профессиональным обманщиком. Мне дорого обошлось это знание. Но я смогу построить себе новую судьбу!

Содержание

Первая глава	4
Вторая глава	9
Третья глава	14
Четвертая глава	20
Пятая глава	26
Шестая глава	32
Седьмая глава	38
Восьмая глава	43
Девятая глава	48
Десятая глава	53
Одиннадцатая глава	58
Двенадцатая глава	63
Тринадцатая глава	68
Четырнадцатая глава	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Лана Полякова

Измена.

Одиночество вдвоем

Первая глава

Передо мной лежит бомба. Ядовитая гадюка, что зажала в зубах моё сердце.

Нервно отодвинула, отбросила от себя на столе письмо своего мужа, будто, откинув в сторону, я смогу забыть эту гадость, словно приснившийся кошмар.

Теперь хоть сожги, хоть выбрасывай, а не забудешь никогда.

Я прожила с Алексеем семнадцать счастливых лет. И получила вот это:

«Давно люблю другую. Развожусь. Я устал от тебя. От своего одиночества в семье. Ты мне надоела! Алименты на детей буду платить».

Слова горели огнём перед моими глазами.

Уже полчаса я пялюсь на эти строчки и ничего не могу понять.

Что это?

Сегодня ночью мой любимый муж, мой Лёша поздравлял меня с днём рождения. Ночью. В постели. Шептал мне допоздна нежности и благодарил за счастливые годы. И за прекрасных детей. Столько страсти и ласки, любил меня, так, что на работу я летела немного охрипшая и с горящим от его щетины лицом.

А к концу дня я ему уже надоела?

Это шутка?

Злой розыгрыш?

Ничего не понимаю!

Не укладывается в голове!

Я прижала ледяные пальцы к вискам и попыталась сосредоточиться. Тщательно перебирала в памяти все события сегодняшнего утра до мельчайших деталей.

Ведь ничего не предвещало такого развития событий.

Всё шло, как обычно. Может, только немного проспали, и муж был не в духе. Но он редко бывает счастлив по утрам.

– Зачем ты мне подсовываешь эту плебейскую гречку? Ты же заешь, как я её не люблю! – недовольно скривился Лёша, когда я поставила перед ним тарелку с кашей.

– Гречку любят мальчишки. Мне сложно перед работой готовить индивидуальный завтрак для каждого – ответила я привычно.

Лёша не так давно перестал, наконец-то употреблять спортивное питание. И стал очень капризен в еде.

Может быть, не надо было на него давить в этом плане?

Да, нет! Это же глупость? Не мог же он уйти от меня из-за гречневой каши?

После завтрака, собирая мужа на работу, подавая свежую сорочку и галстук, я вспоминала нашу ночь и улыбалась. Алексей, одеваясь, поймал мой взгляд, когда я стояла и ждала в прихожей и, подмигнув, сказал: «Люблю!».

Поцеловал привычно перед выходом.

– Ты была этой ночью огонь, – шептал он в ухо уже перед открытой дверью, прячась от сыновей.

Может быть, ему не понравилось, или я была слишком откровенной этой ночью?

Да не может такого быть! И всё было, в принципе, не сильно за рамками обычных наших ночей. Может, лишь эмоциональнее?

Потом, пока я собрала и отправила детей в школу, время всё ускорялось и ускорялось, как это и бывает по утрам.

Чтобы схлопнуться в последнее мгновение цейтнотом.

И тогда на автопилоте, одной рукой всё за всеми вымыть, а второй собирая вещи, я выскочила к машине.

В пробке привычно красила глаза, пока поток машин медленно полз к развязке на третьем кольце.

Офис. Бумаги-бумаги-бумаги. Счета, звонки. И опять по кругу.

Я недавно, чуть меньше года, стала главным бухгалтером на этом предприятии и до сих пор чувствовала себя не очень уверенно. Поэтому старалась не запускать текучку. Иначе за-

копаюсь так, что можно будет ночевать на работе. И неудобно подводить директора.

После обеда я угостила коллектив чаем с тортом и получила заверения в своей исключительной прекрасности, молодости и уме, к которым прилагался конверт от руководства и букеты от сотрудников.

Позвонила своей сестре и попросила забрать мальчишек на сегодня из школы.

Завтра суббота, и я хотела провести вечер только вдвоём с мужем.

В честь тридцатипятилетия меня отпустили с работы пораньше, и я, счастливая, поехала домой. Всю дорогу планировала романтический ужин. Думала, что приготовить вкусенького. Заехала за продуктами.

Ещё обрадовалась, словно ребёнок, что машина мужа стоит во дворе.

Думала, что он решил мне сделать сюрприз.

Сделал.

Сюрприз.

Я вошла в квартиру с букетами цветов и, улыбаясь, споткнулась о злой взгляд.

– Ты собираешься в командировку? – удивилась я, глядя на чемоданы в прихожей.

– Нет! – рыкнул на меня муж.

– А куда? И зачем тебе так много вещей в поездке?

– Как ты мне надоела! Что ты лезешь во всё! Какого чёрта

ты припёрлась раньше с работы? Я всё написал тебе в письме! – заорал на меня муж.

И, подвинув плечом, распахнул входную дверь.

– Я ухожу от тебя. На развод подам сам. Не утруждайся!

И хлопнул дверью так, что посыпалась штукатурка.

И вот теперь я сижу за кухонным столом и не понимаю ничего.

Что могло случиться за день такого, что мой муж так изменился?

Чёрт, он пишет, что давно с другой?

Сердце сдавило так, что, казалось, оно сейчас лопнет. Не выдохнуть. Не вздохнуть.

А как же я?

И как давно, если у нас всё было хорошо ещё утром?

Это утро ничем принципиально не отличалось от такого же утра год назад. И два года. И три!

То есть, у него все эти годы была любимая женщина, и это была не я?

Зачем тогда всё? Все слова и все эти нежности?

Мою голову как будто обхватил горящий обруч из раскалённого металла. Сдавило виски. Застучала кровь.

Разве можно так безбожно врать?

Я повертела письмо в руках. Если бы я не встретила с мужем в коридоре, я бы не поверила этой бумажке.

А что это, кстати, за надпись на обратной стороне?

Вторая глава

На обороте было написано летящим и немного корявым почерком моего мужа: "не звони мне. Я выкинул симку."

В каком смысле – не звони?

А дети?

Он рехнулся?

В моей голове картинка никак не складывалась.

Я никак не могла понять, как мне реагировать на всё это.

Было, безусловно, очень обидно. Сердце жгло. И слёзы плескались где-то очень рядом. Сердце давило. Ныло. В висках пульсировало. Ломило все тело. Но шок от происходящего был сильнее.

И в мозгу не укладывалось.

Поведение моего мужа было нелогично. Я не видела ни предпосылок, ни причин.

И тлела, манила надежда, что это не то, чем кажется.

Это такая шутка?

Ну не может же её Алексей так банально шутить? Так топорно поступать?

За такой долгий срок семейной жизни у нас было разное. И скандалы с уходами навсегда со стороны моего горячего и взрывного мужа тоже были. Но выбрасывать симку?

Было, помню года три назад, ушёл, хлопнув дверью, ко-

гда я возмутилась покупкой его нового автомобиля. Вначале наорал на меня. Какая я скряга и не понимаю, что для того, чтобы продавать дорогие тачки он сам должен иметь недешёвую машину. Что он всё делает для нас, а я не понимаю его. Упрекаю и пилю. Не ценю его усилия вытащить нас на нужный уровень.

В тот раз Алексей вернулся через сутки. С цветами, с бриллиантом в кольце и с извинениями.

А сейчас – эти слова. О другой женщине...

Не может быть никакой другой женщины! Не может же? Правда?

Может, его вынудили?

Может быть, он связался с бандитами и не хочет втягивать семью и поэтому такое демонстративное расставание.

Он бы ещё на площади меня бросил и кричал бы все эти мерзости при всех.

А может быть, ему грозит опасность?

Или ...

Я не знаю что. И я не знаю, что думать.

Но человек, с которым я прожила семнадцать лет, не мог полночи любить меня и утром шептать нежности, а этим же днём хладнокровно собирать свои вещи в чемоданы и писать мне эту мерзкую записульку.

Семнадцать слов не считая предлогов. По одному словечку на каждый год.

Щедро.

От души.

Алексей всегда был импульсивным, эмоциональным. Взрывным. Мне это в нём очень нравилось всегда. Я считала до сегодняшнего вечера, что такие люди не могут ударить исподтишка. Что они не держат камней за пазухой. Что их эмоциональность не позволяет им быть подлыми. Что я всегда понимаю, что у него на уме.

Я знала его как человека, который не будет долго держать в себе обиды или недовольство. Или счастье.

Он делился своими эмоциями сразу. Всегда.

А тут он пишет, что давно любит другую!

Лёша? Молча? Втайне? Давно?

Нереально.

Лешик каждый вечер мне час-полтора обязательно рассказывает, какой он красавчик и как классно он работает и как у него всё получается. Как он уболтал клиента на включение в покупку дополнительных опций. И как он смог ответить генеральному на совещании.

Или не получается. Но в таком случае полутора часами не отделаешься... Придётся слушать, какие люди глупые и как Лёше тяжело с ними работать. И как никто его не понимает. И ему приходится приноравливаться к тупости окружающих.

Нет. Что-то тут не так. Подожди глупое сердце. Не ной.

Кажется, мой милый муж попал в беду, и его нужно выручать.

Мои мысли прыгали словно резиновые мячики в пустой комнате.

Мне не хватало информации для понимания.

Я перебирала в голове – кому можно позвонить, и не находила советчиков. Кто может быть в курсе больше, чем же-на о Лешиной жизни?

Свекровь?

Лариса Васильевна жила в Самаре. Одна в четырёхкомнатной квартире в обкомовском доме. Моя свекровь считала, что её мальчику ужасно не повезло с женой. Что я абсолютно не подхожу ему по статусу. Что я его не ценю. Что он достоин большего. И каждую нашу встречу мама моего мужа тщательно выверено демонстрировала мне своё недовольство.

И мужа я обслуживаю недостаточно хорошо. И готовлю недостаточно разнообразно. И работаю я слишком много. И дети у меня не уважают в достаточной, по её понятиям, степени своего отца. Всегда. Просто всегда ко мне рой претензий.

Её золотой мальчик жестоко ошибся и благородно женился на недостойной его хабалке, что ловко забеременела. И заставила его обеспечивать семью.

То есть желания звонить Ларисе Васильевне не было никакого.

Но если другого выхода не придумаю, то – придётся.

Брат Алексея живёт уже двадцать лет в Дюссельдорфе. И

между ними нет тёплых отношений. Я поздравляю всех с праздниками, от имени нашей семьи.

На вред ли ему что-то известно о Лёше.

Больше родных с его стороны не осталось. Отец умер ещё до нашей с ним встречи. Я его видела только на фотографии. Военный в больших чинах.

Лешины друзья?

К кому из них я могу обратиться со своими сомнениями?

Таких друзей, чтобы Алексей доверял им свои секреты я и не знаю. У него их не было. Да и не могло быть. Он же самый лучший и нет ему равных.

Приятелей – море. Для рыбалки, чтобы с нужными людьми, для покатушек, чтобы пощекотать нервы важным людям, для пьянки, чтобы тоже не с кем попало. Все – нужные люди и со всеми необходимо поддерживать приятельские отношения. Но дружить и делиться с ними своими проблемами. Нет. Это невозможно.

Пока я перебирала в уме всех Лешкиных знакомых, раздался звонок в дверь.

Кого это принесло?

Третья глава

Это пришёл курьер и принёс мне огромный букет из белых роз, немного отдающих в светло-зелёный, с запиской от мужа «С любовью».

Я как следует расспросила курьера, и он сознался, что заказ к ним в фирму пришёл днём, ещё в одиннадцать, с указанием доставить цветы к восьми вечера, когда я обычно возвращаюсь с работы.

То есть в одиннадцать было ещё «С любовью», и Лёшка заказывает для меня цветы, а в четыре часа дня уже «Надоела» и «Давно люблю другую»?

Значит, что-то очень важное случилось сегодня в обед, что он сорвался с работы и прибежал собирать вещи втайне от меня.

Я сойду с ума, пытаюсь понять, что случилось.

Хорошо, что завтра суббота и не нужно бежать на работу. Можно будет забрать мальчишек от сестры Милы.

Милка (Людмилой мою подвижную и деятельную старшую сестру называть было как-то странно) жила в своём доме по Новорижскому шоссе. Она старше меня на семь лет. Почти ровесница моему мужу. У неё взрослый сын, окончивший в этом году универ, дочь-студентка и пятнадцатилетний Мишка – дружка моих мальчишек.

Всё бы ничего, но Милкин муж меня недолюбливает. Ему претят работающие женщины. Он ярый домостроевец.

Я, честно сказать, его тоже не привечаю. Пресыщенный и упёртый мужлан. Но Милке о её муже нельзя говорить ни слова против. Она обидится и будет защищать его словно птица своего птенца. По Милкиному представлению муж – кормилец и добытчик, и ему позволено всё.

Обычно в субботу я в дом к сестре не ходок. Чтобы не нервировать мужа, Милка попросила не беспокоить.

Это и к лучшему. Она подвезёт мальчишек, и я перехвачу их, как обычно, в Мневниках.

Так, с мыслями о чём угодно, только не о демарше моего мужа, я и промаялась полночи, слоняясь по квартире из угла в угол.

Сменила постельное бельё, потому что ощущала Лешин запах.

Расставила цветы, потому что жаль такую красоту.

И всё никак не могла понять.

Не похоже, чтобы на этот раз Лёшка принимал импульсивное решение.

Да, его уход был резким и внезапным. Но весьма продуманным. Судя по тому, как скрупулёзно он собирал свои вещи.

Аккуратно. Ничего не разбросано. Всё очень методично и чётко.

Забрал коллекцию своих любимых часов.

Все свои дорогие ботинки.

Это явно делалось продуманно и быстро.

Он, похоже, точно не собирается больше возвращаться.

Мамочки! Что я скажу сыновьям?

Старший, Юра, у нас шестнадцатилетний детина выше меня ростом. Длинный и худющий. Он резко вырос этим летом. Так быстро, что на пояснице у него не выдержала кожа и есть белеющие со временем растяжки.

У него сейчас сложный период самоопределения себя в мире. Понимание места мужчины в семье. Он точно поймёт, что Лёша нас бросил. Я не смогу такое скрыть от сыновей!

А младший у меня – десятилетний Женечка, умница и проказник. Очень тонко организованный и нежный мальчик. Художник. Для него отец всегда был важным человеком. Авторитетом. Как он воспримет Алёшкин демарш?

Как я им расскажу? Что скажу, если я сама ничего не понимаю?

К полуночи, устав шататься из угла в угол и выпив снотворное, уснула беспокойным сном.

– Ты выглядишь отвратительно! – первым делом выдала моя тактичная и нежная старшая сестра.

– А ты, как всегда, прекрасна, – устало ответила я.

– Коля говорит, что женщина-бухгалтер – это как замполит. Вот увидишь, бросит тебя твой красавчик-муж! Чем вы вчера занимались, что ты вся опухшая сегодня? Пьянствовали, что ли? Я из себя мать-героиню изображала весь вечер,

чтобы вы бухали? – посмеиваясь, тарыхтела Милка, перегружая из своего багажника в мой пакеты с её собственноручно сделанными деликатесами.

– Уже бросил, Мил, – неожиданно для себя заплакала я, закрывая лицо ладонями.

Зарыдала.

Слёзы словно фонтанчики, как в детстве, брызнули из глаз.

А ведь выпила ромашки целый чайник и вроде подготовилась к встрече.

А вот не сдержалась.

– Мам? – басовито протянул удивлённый старший сын.

Ну да. Рыдающая мама посреди дороги – шокирующее и небывалое зрелище.

Пока сестра откоммисарила мальчишек в мою машину, а меня в свою, я немного успокоилась и смогла внятно изложить произошедшее.

– Прекрати рыдать! – гавкнула на меня моя нежная старшая сестра.

– Милочка, родная, уговори своего Колю, пусть через свои каналы узнаёт мне новый номер Лёшки. Я хоть узнаю, что он жив-здоров, – причитала я.

Сердце сдавило клещами. Руки похолодели. Горло перехватило от осознания. Что я говорю? Только бы он был жив! Только бы с ним всё было в порядке!

Только бы узнать уже, что случилось... Меня эта неиз-

вестность изведёт!

— Колю, я попрошу, конечно. А ты к понедельнику возьми себя в зубы!

— Мил, тебе бы полком командовать, — вздохнула я, вытирая лицо милкиными влажными салфетками и направилась к сыновьям в машину.

— Мам? — начал было старший сын.

— Не сейчас! Не за рулём, — прервала я его.

Мы живём в семнадцатизэтажных башнях по правой стороне от канала имени Москвы перед самым выездом в Химки.

Раньше, когда мы с Лёшей только купили квартиру, в этом районе было очень зелено и не так много людей. Сейчас, конечно, все застроили. Но всё равно, большая вода рядом давала о себе знать свежестью воздуха и большей влажностью.

Мы поначалу гуляли иногда, вместе с мужем и детьми у Речного порта.

Очень давно. Пару раз.

Алексей считал ужасным мешанством и дурновкусием семейные прогулки и семейный отдых в целом.

Я не помню, чтобы он занимался мальчишками.

И пока ехала домой, я отчаянно придумывала, что и как я скажу сыновьям. Чтобы не ранить их и чтобы минимизировать удар.

Так глубоко ушла в свои переживания, что, когда раздался звонок телефона, чудом не врезалась в автомобиль впереди

меня.

Четвертая глава

– Анастасия! Что ты сделала с телефоном Лёлечки? Он не отвечает на мои звонки уже сутки! Немедленно передай трубку моему сыну! – завизжала на весь салон трубка голосом Ларисы Васильевны.

– И вам здравствуйте. Я в дороге и понятия не имею, где ваш сын и почему он вам не звонит, – ответила я горячо любимой свекрови чуть звенящим от эмоций голосом.

– Ты едешь меня встречать? Через полчаса буду на Казанском. Жду! – гаркнула она и бросила трубку.

Так. Нормально. Меняем загадочно пропавшего мужа на его истеричную мамашку.

– Лариса Васильевна. Это Москва. Я за полчаса не успею на Казанский и на вертолёт. Ждите меня рядом с табло прибытия поездов, – перезвонила я.

– Я что? Должна стоять и ждать среди бомжей? – взвизгнула вздорная старуха.

– Можете взять такси и приехать самостоятельно, – ответила я, внезапно успокоившись и обретя твёрдую почву под ногами.

Свекровь – это знакомое и родное, жадное зло. Здесь всё понятно.

– Ты всегда была хамкой! Жду тебя! – она вновь бросила

трубку.

С заднего сидения хмыкнул мой старший сын.

– Так, пацаны! Объявляется тревога! Код красный! За час вы должны выдрать квартиру и распахать свои вещи с глаз долой! Пылесос, сантехника. Чем больше сделаете, тем меньше поводов у ба будет к вам придирааться! – объявила я мальчишкам фронт работ.

– Ну, ма-а-а-а, – протянул младший.

– Поверь мне, это меньшее зло! – подмигнула ему через зеркало.

– Женьк, не дрейфь! Ба больше пары дней у нас не задерживается! В прошлом году, если помнишь, тоже было нашествие барыни к холопам. Ничего, обошлось! – ухмылялся старший.

Я с упрёком глянула в его глаза на светофоре, и он поднял руки, признавая вину.

Середина мая, а погода ещё не установилась. То жара под двадцать пять градусов, то дождь, сырость и плюс семь.

Вчера, оказывается, была гроза. И почти ураганный ветер добавил работы коммунальщикам. То тут, то там убирали и подчищали за поваленными деревьями или сорванными баннерами рекламы.

А я и не заметила вечером буйства непогоды, хотя часами стояла у окна. Слишком глубоко ушла в себя.

Так и не решив, как и что говорить мальчишкам, я, усадив их дома за стол, выпалила как есть.

– Отец ушёл от нас вчера вечером. Я не знаю причины. Мне сказал, что ушёл к другой. Симку выкинул. Я не знаю, что думать. Когда отец вернётся, – он сам вам объяснит свои мотивы. И, мальчишки! Если вы злитесь, то лучший способ – это физический труд. – закончила, вздохнув.

Возможно, я не права. Но уж такая я как есть. Не умею толком врать. Получается ещё хуже. Всегда.

Мой папа в своё время тоже ушёл из нашей семьи. И уехал на другой конец страны, а затем и вовсе на другой континент от нас.

Мне было семь лет. И моя мама долго скрывала от меня, что отец не вернётся. А я почему-то решила, что он не возвращается из-за того, что я была плохой и невнимательной девочкой. И только в институте, когда моей старший сын уже разговаривал, отец меня нашёл. И мы поговорили с ним.

Но виноватой перед моей мамой я, почему-то, периодически чувствую до сих пор...

Не хотела бы я такого для своих мальчишек. Безотцовщина – страшная боль.

И матери, хоть вывернись наизнанку, не заменить мужчину в семье.

Мальчишек жалко было до слёз. Но и врать им я не смогла.

Уходя из квартиры, я попросила Юрку присмотреть за младшим. Всё-таки он ещё ребёнок.

А меня ждёт встреча с свекро-монстром.

Раньше, в самом начале моего замужества, я, естественно, пыталась наладить отношения с мамой моего мужа. Слушала и пыжилась выполнять её советы. Внимала пространным рассказам о тяжёлой жизни жены генерала. Кивала головой на вздохи, как её талант так и остался нераскрытым из-за того, что она целых три года жила с мужем в Сибири. Старалась как могла, чтобы моё отношение к страданиям Ларисы Васильевны не отразилось на нашем взаимодействии.

Но после нескольких неприятных случаев между моими детьми и Ларисой Васильевной я наше с ней общение свела к минимуму.

Не позволю вздорной старухе обижать моих детей.

Поэтому свекровь действительно редко приезжала к нам в гости.

Сейчас – особенно не вовремя. И судя по её искреннему удивлению, Лёша с ней своими планами поделился.

Я не очень удачно припарковалась. Как ни перестраивайся, а это всё равно площадь трёх вокзалов. И народу всегда очень много.

Лариса Васильевна стояла посреди зала с видом императрицы в изгнании, цепко держала в руках свой ридикюль и оберегала два огромных чемодана.

Зачем она возит с собой столько барахла?

– Ты заставила меня ждать! Я провела мучительные часы рядом с какими-то оборванцами – взвизгнула мама моего мужа.

Расположившийся неподалёку пожилой мужчина посмотрел на мою свекровь с осуждением и покачал головой. Но Ларису Васильевну уже несло.

– Следуй за мной! Где там твоя машина? – высокомерно выдала она, ожидая, по-видимому, что я потащу её чемоданы?

– Пойдите рядом с вещами, бабушка, я сейчас приведу носильщика, – проговорила я елеёным голосом и пошла искать работника.

Когда мы процессией добрались до моего авто, Лариса Васильевна уже кипела. Она поминутно останавливалась и жаловалась на одышку, больные ноги, спину, головокружение.

Одно радует: времени на уборку мальчишкам должно хватить.

– Лариса Васильевна, скажите, а Алексей не рассказывал вам о своих делах в последнее время? – спросила я свекровь уже в машине.

– Что ты имеешь в виду? О чём ты? Выражайся внятно! – сварливо ответила она.

– Дело в том, что ваш сын вчера вечером ушёл от меня. Велел не звонить больше. Сказал, что разводится, – объяснила я.

Рядом с свекровью плакать мне не хотелось. Хотелось выяснить хоть что-нибудь, отбросить хоть одну версию.

– Так, он, наконец-то, решился! Какое счастье!

– Что? – затормозила я и повернулась к этой старухе.

Пятая глава

Я притормозила у обочины и повернулась к своей прекрасной свекрови с вопросом во взгляде.

– А что ты хотела? Неужели надеялась, что мой сын всю жизнь проведёт, обеспечивая тебя и твоих детей? Конечно, он должен был найти женщину своего уровня, – высказала абсолютно уверенная в своей правоте и безнаказанности эта пожилая хамка.

Больше всего мне хотелось открыть двери и выставить её на улицу, а не везти в свой дом.

– Вы уверены, что Алексей не вляпался в какую-нибудь историю с бандитами или ещё что похуже? – вместо этого спросила я побледневшую свекровь.

Вдохнула, выдохнула и повезла старушку дальше.

Значит, Лариса Васильевна ничего не знает.

Понятно.

Глупое сердце уже знало ответ, но, вопреки всему, продолжало надеяться. Как всегда, храня в своей глубине утверждение Лёшки, что он порядочный человек.

Так уж я устроена. Мне нужно точное фактическое подтверждение. Я много лет прожила с фантазёром. И, по-видимому, у меня вошло в привычку верить только подтверждённым независимой стороной действиям и событиям.

Собственно, с приездом Ларисы Васильевны, все мои силы уходили на погашение злости по отношению к ней. На остальные эмоции сил и ресурсов почти не оставалось. Только сверлило в висках и сердце «Я давно люблю другую. Ты мне надоела»...

У нас вполне просторная четырёхкомнатная квартира. По комнате мальчишкам, наша спальня и гостиная. Заселив свекровь в гостиную, я повезла мальчишек на занятия в спортивную секцию.

Они и сами бы прекрасно добрались, но оставаться один на один в доме со вздорной старухой не было никакого желания.

Единственно, я спросила, надолго ли нам такое счастье? И не получила вразумительного ответа.

Лариса Васильевна прибыла на премьеру в театр! С пафосом и соответствующими вздохами, демонстрирующими мою пещерную недалёкость, величаво сообщила мама моего мужа.

Благодаря своей свекрови, я возненавидела театры и околотеатральную публику за постоянную наигранность и враньё. Во всём. И себе, и жизни, и другим. За закатывание глаз, за презрение к людям, не связанным с этим видом деятельности. За снобизм.

Возможно, где-то там, в недрах театрального сообщества, и существовали адекватные люди, но, честно говоря, само явление – актёр, с некоторых пор стало для меня неприят-

НЫМ.

Я старалась избегать разговоров на эту тему. Сложно объяснить людям, не связанным с постоянными фантазиями близкого человека, отчего я не люблю театральщину.

Да потому что мой муж всё время играет какую-то роль. В зависимости от обстоятельств и выгоды в определённый момент.

Вот и сейчас.

Стоп! Не время. Не в дороге и не за рулём!

Мои мальчишки давно, с дошкольного ещё возраста занимаются дзюдо. Я вначале случайно нашла секцию для Юрки. А потом, со временем, поняла, какое нужное и правильное влияние оказывают эти занятия на моего мальчика. Мужское.

В основном благодаря работе тренера-энтузиаста, по-настоящему влюблённого в своё дело человека.

Тренер моих мальчишек – Николай Васильевич – не только занимался со своими воспитанниками спортом, но и приучал их к ответственности, к режиму и к внимательному отношению к своей жизни. Да что там говорить! Он даже школьные дневники проверял. А за двойки и замечания по поведению заставлял лишний раз подтягиваться или отжиматься.

Очень полезный человек для воспитания мальчишек. И поэтому я привела к нему и второго своего сына.

Юрочка показывал вполне серьёзные результаты на сорев-

нованиях. Он был у меня более практичным и спортивным мальчиком, нацеленным на результат. А Женя – его почти полная противоположность. Младший Женечка у нас художник. Он рисует всегда. И для него эти занятия – как физическая культура, а не спорт.

Секция располагалась на Шаболовке. Пока доехала через половину Москвы, я успокоилась. Да и мальчишки своим перечислением трудовых подвигов отвлекли от изматывающих мыслей.

Николай Васильевич встретил меня с радостью и, проводив ребят переодеваться, спросил, как я отношусь к тому, чтобы Юра в этот сезон поехал в спортивный лагерь в качестве помощника тренера?

Очень хорошо отношусь! Значит, определились – июнь в лагере, а июль у бабушки на море.

Можно сказать, что детей на лето я пристроила.

– Оля? Ты дома? Мне необходимо дружеское плечо, чтобы поговорить! Жди! – позвонила я своей старой подруге и по совместительству соседке по даче.

Олька, обманчиво хрупкая блондинка с голубыми глазами, встречала меня в халатике, зевая. Пройдя в квартиру, я окунулась в умопомрачительный запах свежемолотого кофе и, словно замороженная, пошла за по следу этого запаха на кухню.

– Что у тебя случилось? – спросила, посмеиваясь, подруга, наливая мне вожаделенного напитка.

– Оль. Я не знаю, что подумать. Вернее, я из последних сил пытаюсь придумать другие оправдания. То есть я не хочу верить, – пыталась начать я разговор.

Было невыносимо стыдно отчего-то. Будто это я, забыв обо всех своих обязательствах, словно трусливая тварь бежала от семьи. Как будто в том, что Лёшка сбежал, была моя вина.

Как же глубоко укоренилось в нас: стыдно быть брошенной!

Все мои так тщательно гонимые мысли и эмоции посыпались на меня потоком. За прошедшие сутки я переосмыслила, пожалуй, всю свою жизнь и пришла к неутешительным выводам.

Отчего так получается, что даже за явную вину и предательство близкого я чувствую стыд так остро, будто виновата я? Будто это я подтолкнула взрослого и зрелого человека к подлости?

– Что ты мнёшься? Не похоже на тебя. Говори уже, что случилось? – спросила подруга, отпивая крошечный глоток обжигающе горького кофе из маленькой изящной чашечки и звякнув блюдцем.

– Алексей сказал мне, что у него есть давно любимая женщина, – ответила я.

– Он всё-таки смог признаться тебе? – Ольга вздрогнула, кофе выплеснулся на стол и растёкся грязной отвратительной лужей, пачкая всё, к чему прикасался. Уродуя мрамор-

ную белизну кухонного кафеля и безупречный халатик теперь уже бывшей подруги.

Шестая глава

– Давно? – просипела я, поднимая взгляд на бывшую подругу.

– Настенька, ты только не волнуйся, тебе же нельзя нервничать, я сейчас водички тебе подам, – причитала Ольга, приложив свои ухоженные пальчики к вспыхнувшим щекам.

– На чёрта мне твоя водичка? Я спрашиваю тебя! Давно ли ты спишь с моим мужем? – прорычала я, глядя, как голубые глаза напротив меня набухают хрустальными слезами.

– Почти два года. Помнишь, ты тем летом резко уехала из дачного посёлка из-за сорванного мальчишками крана? Алёшенька выпил тогда и остался один, чтобы на следующее утро всё в доме выключить и закрыть. Вот он тогда мне и рассказал, как страдает. Как его тяготит твоя болезнь. Как он не может от тебя уйти из-за этого...

Ольга ещё что-то бормотала, я уже плохо слышала. Сердце стучало в ушах. Живот скрутило, будто холодный камень поселился в желудке. Склизкий. Шевелящийся. Тошнота горьким комом поднималась к горлу, и я сорвалась, полетела в туалет.

Меня выворачивало от отвращения и мерзкой пошлости ситуации.

Ольга суежилась рядом и только усугубляла тошноту сво-

им запахом и видом.

– Уйди, меня от тебя тошнит! Дура! – прохрипела я между спазмами.

Мерзость какая. Банальщина и гадость. Бежать отсюда навсегда! – думала я, умываясь в ванной.

– Прости меня, – пробормотала Ольга, наблюдая, как я обуваюсь в коридоре.

– Какая болезнь! Дура! Я на трёх работах, по-твоему, больная впахивала? Куда ты свой мозг дела? Идиотка! Разыскивай сама теперь своего Алёшеньку, куда он или вляпался, или свалил, выходит, от нас обеих! Дарю тебе этого колобка. Обо мне – забудь! – отчеканила я ей в глаза, переступая порог.

Какая я дура! Мне же прямым текстом муж сказал, что уходит к другой! Какие тайные смыслы я искала в этом? И зачем? Оправдать его?

Страдала, что он защищает семью от угрозы. Кто? Лёша? Себя, любимого и единственного принесёт в жертву? Кому? Детям, которых он не замечает? Жене, которой изменяет даже с её подругой.

С подругой.

Это было больно.

Мы с Ольгой дружили ещё со школы. Она перевелась в наш класс из другого района и как-то так сложилось, что у меня с этой эльфийского вида умненькой девочкой, оказалось много общего. Одинаковые взгляды на книжных героев

на уроках литературы. Одинаковые вкусы в поэзии в старших классах. Мы читали с ней одни книжки, жили похожими принципами.

Даже разойдясь по разным институтам, мы не потеряли друг друга.

Я думала, что не потеряла.

Я верила.

Слепая курица.

У меня, как это ни странно, злости на Ольку не было. Она мне стала омерзительна. Вся. От кончиков ухоженных ноготочков до белобрысой макушки.

Даже запах её духов отвратен теперь.

Смогу ли я теперь пить кофе? Воспоминания о напитке вызывают спазмы в желудке.

Из-за злости я и не заметила, как подкатила к дому.

Наш дом – башня с одним подъездом. Перед входом стояла узнаваемая машина скорой помощи. Перепады температуры в мае не проходят даром ни для кого.

Как же я удивилась, когда, зайдя в квартиру, обнаружила врачей скорой у себя в квартире.

– Он довёл меня до инфаркта! – визжала Лариса Васильевна.

– Что-нибудь серьёзное? – тихо спросила я стоящую в проёме гостиной двери женщину в форменной куртке.

– Блажит, – ответила она.

– Что здесь происходит? – громко спросила я, делая шаг

в комнату.

– Вот! Полюбуйся, до чего довёл меня твой сын! – торжественно изрекла свекровь, демонстративно прикладывая ладонь в перстнях к груди.

– Справку о состоянии здоровья пациента выдаёте после посещения? Вы фиксируете у себя причину вызова и результаты? Чтобы не было разночтений? – спросила я громко, пользуясь паузой в стенаниях Ларисы Васильевны.

– Конечно, фиксируем. Справки только близким родственникам, – повернувшись и сворачивая провода портативного прибора для снятия кардиограммы, устало сказала женщина-врач, вставая со стула.

– Вы что? Так и уедете? А укол мне от сердца? – очнулась свекровь.

– У вас нет показаний для уколов. Всё в пределах возрастной нормы, – ответила ей врач.

– А от нервов? – взвизгнула Лариса Васильевна, протягивая театральным жестом руку в сторону врача.

– А от нервов – это по назначению лечащего врача из поликлиники, – спокойно сказала врач, закрывая свой чемоданчик.

– А госпитализация! Я требую госпитализации! Я не могу находиться в таких невыносимых условиях! Не смейте уходить! Я буду жаловаться! – голосом страдающей императрицы в изгнании стонала свекровь.

– У вас нет показаний для срочной госпитализации. Из-

вините, у нас много вызовов. — сказала врач и вышла вслед за своей коллегой из квартиры.

— Что здесь произошло? — строго спросила я, закрыв двери за врачами.

— Твой сын...

— Я не у вас спрашиваю, Лариса Васильевна. Помолчите минуту, — жёстко сказала я и посмотрела на стоящего весь этот спектакль в дверях своей комнаты Юрку.

— Я занимался в своей комнате, когда ба влетела ко мне и начала орать... кричать, — исправился он под моим взглядом.

— Причина? — я не отводила взгляда от сына.

Он казался спокойным. Но жилка на виске билась тревожным ритмом. И губы были крепко сжаты.

— Твой сын долбил в барабаны! — ворвалась в наш разговор свекровь.

— Лариса Васильевна, скажите, зачем вы зашли в комнату к своему взрослому шестнадцатилетнему внуку без стука, когда он занимался музыкой? — спросила я её.

— Он мне мешал отдыхать! — пафосно заявила она.

— В звукоизолированной комнате? — тихо изумилась, заходясь от этой бесконечной театральщины.

— Да! Я что, не имею права войти в любую комнату в квартире моего сына? — взвизгнула в очередной раз тяжелобольная сердцем пожилая хамка.

— В комнаты мальчиков нет, не имеете права входить без стука и без приглашения! Пожалуйста, ведите себя прилич-

но в моём доме! У нас не принято кричать и разговаривать на повышенных тонах! Если вас что-то не устраивает, я могу заказать вам гостиницу. Терпеть ваши причуды у меня нет ни желания, ни настроения! – чётко и тихо проговорила я ей в лицо, с удовлетворением замечая, как она, вдохнув, желала продолжить, но видно, слова про гостиницу всё-таки дошли до её мозга.

– Где Женя? Не звонил ещё? Закончились у него занятия в художке? – повернулась я с вопросом к Юре.

– Звонил, что сел в автобус. Скоро будет, – ответил он, всё ещё сжимая губы.

– Я в магазин. Ты со мной? – улыбнулась я ему.

– С удовольствием, ма!

И уже захлопывая двери, я поймала торжествующий взгляд Ларисы Васильевны.

Вот неугомонная старуха!

Седьмая глава

– А кто вызвал скорую? – спросила я пыхтящего словно ёжик Юрку.

– Я! А что? Не надо было? Она начала хвататься за сердце и кричать, что у неё инфаркт! Я и вызвал... – всё ещё защищаясь, пробухтел ребёнок.

– Молодец, что вызвал! Теперь у нас есть, если что, документальное подтверждение о её здоровье. Ты молодец! Всё правильно сделал. Не нервничай, – попыталась я приобнять своего старшего сына.

– Ну, ма-а-а-а, ты что? – вывернулся он.

– Давай присядем на минутку, что-то мне душно. Да и Женьку нужно подождать. Если Лариса Васильевна тебя так взбодрила, то Женечку она до слёз доведёт, – попросила я сына, увидев скамейку в соседнем дворе.

– Когда она в прошлые разы приезжала, то была вроде потише, – пробурчал Юра.

– Папа брал огонь на себя, похоже, – усмехнулась я, вспоминая, как они вечерами уходили из дома вместе.

Муж сопровождал маму в театр или на выставку. Был идеальным сыном. А по утрам, когда я убегала на работу, мадам ещё отдыхала. Так что такого прямого столкновения у нас не бывало давно.

Вот не приспособлена я для скандалов. А здесь вся суббота – сплошное родео. Мне эти африканские страсти претили всегда. Считала, что человек разумный всегда договорится с другим разумным человеком.

И вот теперь сижу и чувствую себя реально больной. Столетней. Два предательства за два дня – слишком для меня.

Ещё и сумасшедшая старуха.

– Жень, ты где сейчас проезжаешь? На Беломорской уже? Отлично. Мы с Юрой ждём тебя в тени на скамейке в соседнем дворе. Не пробеги мимо нас, – предупредила я младшего, прикрыв глаза.

Нельзя сейчас анализировать, что случилось, и как я дошла до жизни такой. Позднее. Потом.

Я подумаю об этом потом.

Сейчас у меня всклокоченный Юра и уставший после тренировки и художки Женя.

Заходящее солнце пробивалось сквозь молоденькие листочки тополей, что раскидали везде свои пахучие клейкие почки. Гудела рядом не замолкающая ни на минуту Ленинградка. Жизнь катком, бесконечной волной, потоком грозила захватить, кружить, заморочить меня своим водоворотом.

Словно щепку или крошку-лодочку без руля и с порванным парусом.

– Ма-а-а? А что это вы тут сидите? – протянул подошедший Женечка удивлённо.

– Там ба концерт устроила. Мы тактически отступили, – пробухтел Юрка.

– Ребят, а пойдёмте протестируем, чем «Просто точка» отличается от Макдака? – предложила я, открывая глаза и страхиая с себя, отодвигая ненужные сейчас мысли.

Я большой разницы в бутерах не заметила. Но мне сейчас было всё равно. Главное, что самой сейчас не готовить, а мальчишкам в радость. Мы заняли железный столик на улице, и я смотрела, задумавшись, на окна нашего балкона. Безумно устала.

– Ребят. У меня к вам просьба. Все разборки с Ларисой Васильевной веду только я. Не вступайте с ней в дискуссию. Ок? – обратилась я к мальчишкам, пытаюсь минимизировать их общение со вздорной старухой.

Мы зашли в квартиру, и Женька вскрикнул, с ужасом глядя на то, как моя свекровь, вырядившись в шелковый халат с драконами, как попало переволакивает вещи из его комнаты в комнату старшего брата, наступая при этом на рассыпавшиеся краски.

Вот тварь!

Куда только подевалась моя усталость! Красная пелена встала перед глазами. Что эта мымра себе позволяет?

Я подтолкнула мальчишек в сторону кухни и шагнула вперёд, загораживая ребят от старухи.

– Что вы делаете без разрешения в моей квартире? – зашипела я на неё.

– Половина этой квартиры принадлежит моему сыну! А значит, и мне! Две комнаты я, так уж и быть, оставлю вам, а две комнаты – займу я! И не смей мне мешать! – картинно уперев руки в бока и вскинув голову громко продекламировала эта сумасшедшая.

– Я вызываю полицию, и им будете доказывать, как оказались в этой квартире без прописки и моего разрешения. – усмехнувшись, ответила я, доставая телефон.

– Здесь живёт мой сын! – вскрикнула Лариса Васильевна, с беспокойством глядя на мои руки.

Ага. Всё она понимает, эта хамка старая. Просто отпора не получала давно. Гнёт в истерике свою линию, как привыкла, когда с ней считались.

– Где? Где вы видите вашего сына? И как вы докажете полиции, что вы его мать? – блефовала я.

– Ты не посмеешь! – зашипела змеёй свекровушка.

– Раз у вас так много здоровья, что хватает на перестановку, то вещи вы успеете собрать за полчаса. Через полчаса я выставлю вас за дверь с чемоданами или без. С полицией или без. Выбирайте: поезд или гостиница? По-людски мои дети помогут вам донести вещи, или вы останетесь на коврике около двери на лестничной площадке, – чётко и зло, яростно, проговорила я.

Осознанно ненавидя в этот момент и её, и её кобелиного сыночка, всё их заигравшееся семейство.

– Ты! – хотела продолжить скандал Лариса Васильевна.

– Я про себя и без вас всё знаю, а ваше время истекает! – сказала хриплым голосом, с трудом попадая трясущимися руками в кнопки на телефоне для вызова машины такси.

Свекровь сверкнула глазами в мою сторону и изменилась в лице. Страхом плеснуло в глазах. Она резко развернулась, и шипя, что мы все пожалеем, и что она будет со мной судиться, и что у неё ого-го какие знакомые, направилась в гостиную. Надеюсь, собирать чемодан. Меня колотило от нервного напряжения, и я никак не могла попасть на кнопки телефона, когда мой старший сын, оказавшийся рядом, забрал у меня аппарат из рук.

– Женьк! А сделай-ка нам чаю, – сказал мой взрослый ребёнок и чуть подтолкнул меня в сторону кухни.

– А запросто! – ответил Женька, который тоже стоял рядом со мной в коридоре.

Защитники, – плеснуло во мне горячей волной понимание, кого испугалась Лариса Васильевна.

Восьмая глава

Уже практически ночью проводили мы с Юрой Ларису Васильевну до поезда. И в вагон завели и чемоданы занесли. И проводнику я доплатила, чтобы проследил и помог в дороге. Но сколько это потребовало сил!

Естественно, когда через полчаса подъехала машина, свекровь ещё не собралась. Она сидела в кресле посреди разбросанных вещей и, прикрыв ладонью глаза, громко стонала.

– Вы собрались? Подали такси, – сказала я, проходя в комнату.

– Я не могу! Это выше моих сил! – продекламировала Лариса Васильевна, взмахнув рукой.

– Могу вам помочь. – я прошла к открытому чемодану и стала складывать в него разбросанные тряпки.

– Не смей трогать мои вещи своими руками! – подалась вперёд свекровь, приподнимаясь с кресла.

– Вы в халате поедете или переоденетесь? – спросила я, выразительно глядя в разошедшийся на её груди вырез.

– Ты выгоняешь меня в ночь? В чужой город? Меня! Мать твоего мужа и бабушку твоих детей? – она плаксиво начала другую роль.

– Лариса Васильевна. Хватит ломать трагедию. Такси вас ждёт. Вы едете домой. В безопасное место. К знакомым вра-

чам. Мы вас проводим и посадим в поезд. Не волнуйтесь. Переоденьтесь, пожалуйста, пока я помогаю вам собрать чемоданы. Если вдруг я что-нибудь из вещей пропущу, я перешлю вам посылку почтой. Не переживайте. Всё будет хорошо, – начала говорить я с ней примирительным тоном.

Уговаривая. Заговаривая. Отвлекая, пока Юра кое-как распахал бабкино барахло по чемоданам и потащил их вниз.

– А как же премьера? – вскинулась Лариса Васильевна уже в такси.

– А что – премьера? Разве сейчас могут поставить что-то, стоящее вашего внимания! Они недостойны вашего участия! Игнорируем премьеру! – патетически махнув рукой, сказала я непререкаемым тоном.

И вот теперь мы с сыном чуть ли не со слезами на глазах смотрели вслед уходящему поезду.

Неужели нам удалось её выпроводить?

Вот уж, действительно, если думаешь, что тебе тяжело – купи козу. Станет невыносимо – продай и однозначно почувствуешь облегчение. Я ухмыльнулась своим мыслям и глянув на уставшего Юрку, направилась решительно к стоянке такси. Сейчас, по ночи, мы долетим значительно быстрее, чем на метро.

Дома было тихо. И разруха. Развороченные комнаты мальчиков, следы эвакуации в гостиной. Моментально захламлённая кухня.

– Юрочка, давай спать! Все подвиги оставим на завтра. А

то ещё разбудим Женю, – проговорила я, глядя на бардак.

Хорошо сказать – спать. Я лежала, закутавшись в одеяло, замерзая каким-то внутренним холодом, и прислушивалась к звукам в квартире. Вот сын выключил воду в душе. Вот прошлёпал на кухню и хлопнула дверь холодильника. Вот закрылась дверь в его комнату.

Всё стихло. Звуки поглотила вязкая сонная тишина. Мир стремительно сужался, отрезая меня от реальности. Разрушался. Оставляя одну. Брошенную. С холодным камнем, поселившимся в желудке. С болью в груди. Со слезами, застрявшими в гортани.

Я за одни сутки лишилась мужа, подруги и свекрови.

Муж оказался до невозможности банальным вруном. Предателем. Изменщиком. Пошлым ловеласом. Нечистоплотным обманщиком. Человеком без чести и без привычки держать застёгнутыми свои штаны. Без принципов. Без понятий и представления о семье. О любви.

С чего я решила, что мне он говорит правду? Почему меня так заворовили его слова, сказанные исключительно для меня «Я – порядочный человек»? Как так случилось, что я сама вложила в эти слова свой смысл и сама же себе поверила?

Ведь это же очевидно! Если он врёт всем вокруг, то, значит, он врёт и тебе! Это его суть. Он – профессиональный лжец.

И вся наша с ним совместная жизнь – это сплошной об-

ман.

А Оля? Я ведь видела, что ей нравится мой муж. Но была уверена, что подруга не переступит черту. Почему?

Судила по себе?

Ольга уже много лет работает риелтором. То есть продаёт со своей выгодой чужое. У неё размыто понятие неприкосновенности собственности, если можно так сказать. Невольно. Так что я ожидала?

Как ясно видно сейчас, задним числом, что и почему произошло. И почему в моменте, в пылу и пыли будней я ничего не замечала?

Не хотела?

Или доверяла?

Сердце сдавило. И зажгло огнём в груди.

Куда там Данте засунул обманувших и доверившихся в своих адовых кругах? На нижнюю ступень?..

Больно-то как!

Хоть вой.

Тихонечко встала и на цыпочках прокралась в кухню. Где-то в холодильнике должна быть минералка. Холодная. С пузырьками.

Я вышла на балкон и, открыв застеклённый проём окна, вдохнула ночной воздух. Левее, на многие километры вдаль темнел лес за гладью водохранилища, мрачно нависая над городом и храня свои секреты тёмным и тревожным строем. А передо мной расстилалась вечно неспящая Ленинград-

ка, уходя в Химки лентой огней. Жизнь продиралась вперёд. Несмотря на препятствия.

За демарш со свекровью было немного стыдно перед мальчишками. Надо будет объясниться. Нельзя поступать так с пожилыми людьми. С больными.

Но в глубине души ворочалась мыслишка «давно мечта-ла!» и радость, что теперь проблемы Ларисы Васильевны меня не касаются.

Так и не заснув до утра, я прикемарила немного с рассветом. Как начали пищать, чирикать и встречать майское солнце какие-то пичуги, так я и уплыла в сон.

Разбудил меня телефонный звонок.

Вот чёрт!

– Настя! Что там у вас твориться? Что за ерунда с ковриками у двери, выталкиванием на ночь глядя и вышвыриванием с полицией? Что ты творишь! – возмущённо проговорила трубка голосом брата моего мужа.

Девятая глава

– Привет, Андрей, – усмехнулась я.

Как много родственников у моего мужа стало в моей жизни с его уходом.

– Прости, я накинулся на тебя утром с претензиями. Мне мама ночью позвонила. Я ничего не понял, – устало проговорил он.

– Твой брат ушёл от меня и собирается разводиться. А ваша мама... Ну, что сказать? Она приехала, как обычно, без звонка, на премьеру. И если раньше ей спектакль обеспечивал Лёша, то нынче я выступила со своей программой. И, усадив в поезд, отправила Ларису Васильевну домой. С проводником договорилась о помощи, – тяжело вздохнув разжевала я.

– Она больна! Она реагирует на всё как больной человек! У неё есть причины так себя вести! Ты должна быть снисходительна к её возрасту! – Андрей что, надеется на мою помощь в опеке над Ларисой Васильевной?

– Не настолько она больна, чтобы не понимать, что не стоит третировать моих детей в моём доме, – отчеканила я, надеясь на его понимание.

– Настя! Ты наверняка всё не так поняла! – Андрей добавил в голос душевность.

– Андрей... Приезжай и следи за своей мамой или забирай к себе. На меня не рассчитывай. Не стоит мне объяснять, как нужно понимать откровенное хамство Ларисы Васильевны, – ответила я брату моего мужа предельно внятно.

– Настя, Настенька, погоди. Не кипятись, – не успокаивался он.

– Думаю, что твоей Марте будет проще жить со свекровью, чем мне. Она же не так хорошо знает русский, зато всё правильно понимает. Прощай, Андрей! – сказала я и положила трубку.

Эти люди меня обложили! Всего-то мама и брат мужа, а такие липкие оба, что, кажется, их целый колхоз.

На кухне звякнула посуда. Это мальчишки там хозяйничают. Надо вставать.

Всё тело болело. С чугунной головой я выползла из комнаты и с тоской оглядела беспощадную в дневном свете картину разрухи.

– Мам! Мы тут завтрак смастерили! Праздничный! – Женька выскочил из кухни и в открытую дверь кухни хлынул запах пережаренной яичницы.

И кофе!

– Вы молодцы. Меня пока нет. Может, после душа я немного оживу, – чмокнула я Женьку в щеку, шаркая ногами в сторону ванной и стараясь не дышать.

Надо что-то делать с запахом кофе. Похоже, теперь навсегда этот запах будет ассоциироваться у меня с предатель-

ством и пошлостью.

Стоя под льющейся водой, я пыталась собрать себя из ночных обломков. Сыновья, вон, старались. Юра, умница, отвлёк Женьку от вчерашних разборок.

Хорошо, что на улице май!

Я села у открытого кухонного окна и залюбовалась сыновьями.

Мальчишки праздновали «День освобождения от барщины».

Пусть.

Прочитать лекцию об уважении к старости и её проявлениям в болезни я ещё успею.

Как получилось, так и получилось, что уж теперь.

– Раз у нас случился такой грандиозный бардак, то можем устроить перестановку. Подумайте. Может, стоит как-нибудь подвигать мебель?

Есть повод провести генеральную чистку! Долой весь ненужный хлам на свалку истории!

Полдня я собирала по всей квартире Лёшкины вещи в коробки, чтобы упаковать и отправить его маме в Самару почтой.

Если ушёл, то нечего хранить у себя чужой хлам. У меня здесь не музей имени Алексея Лунского. Ни к чему мне здесь хранить его вещи.

В целом я довольно бездумно освобождала шкафы от его вещей, заодно пересматривая и перетряхивая своё.

Но иногда... Иногда я зависала с какой-нибудь забытой безделушкой в руках, проваливаясь в свою память, как в колодец без дна.

Лёша зачем-то бережно хранил в отдельной коробочке все свои дипломы. Ну, как дипломы. Он ведь так и не получил вышку. Говорил, что университет не научит зарабатывать деньги, а только потратит его время. Но при этом Алексей скрупулёзно собирал все свои бумаги по окончанным им курсам.

По менеджменту. По маркетингу. По стратегии развития чего-то там... Целая коробочка икеевская.

Если он её оставил, значит, на новом месте у него новая биография.

Шпион, блин.

Я пролистнула бумаги в коробке и наткнулась на свои письма, которые писала ему из роддома, когда лежала на сохранении с Юрочкой. Тогда ещё не было смартфонов и таких интернет-возможностей, как сейчас. Можно было смски кидать... Но что там напишешь?

И я писала ему письма. Почти каждый день. Ничего особенного. Свой день, свои наблюдения, свои мысли. Мечты. Надежды.

А он, как оказалось, бережно их хранил.

И бросил.

Коробочка поедет почтой России!

А в другом шкафу я откопала фотографии Алексея. Его

личные и наши семейные. Зависла было над моментами нашей жизни, но увидев среди прочих фото с нашей свадьбы, где Ольга была моей свидетельницей, я быстро захлопнула альбом, чтобы не рвать сердце.

Но и увиденного мне хватило. Руки занемели, и холодный камень в моём животе, кажется, немного вырос. Но существенно похолодел.

Теперь так будет всегда?

Стоит увидеть или вспомнить кусочек своей семейной жизни, и он трансформируется в воображении из счастливового момента в уродливое свидетельство глупости?

Так можно отравить всю свою жизнь.

Я не готова думать на эту тему сейчас!

Но сломалась и заплакала я на коробке с орденами и кортиком. Не нужны оказались, брошены и забыты награды деда-фронтовика и отца-генерала. Именно с этими наградами в руках мне стало очевидно, что Алексей отрёкся от своего прошлого. От нас. От семьи. Он взял с собой, в свою новую жизнь, только то, что обеспечит его будущее. Старье выбросил за ненадобностью.

Он бросил не только меня и своих детей, но и свою память о предках.

Чужая подлость жгла моё сердце. Вскипала горячими слезами, воспаляя глаза.

Выжигала всю мою любовь.

Десятая глава

Стоп!

Я прокралась в ванную, пока мальчишки не засекли мои рыдания. Не хочу и не могу с ними объясняться сейчас.

Вешать на них свои эмоции не имею права.

Я должна быть для них опорой и островом стабильности в мире, а не потерянной и брошенной женщиной.

Поплачу о несостоявшейся семейной жизни потом.

Немного. Сегодня вечером.

Завтра на работу. Нельзя пугать людей своим опухшим лицом и красными глазами.

Прохладная вода омывала меня, смывая пыль и лишние мысли. Контрастный душ физическим воздействием прочистил немного голову.

Ничего.

Проживём.

– Орлы! Давайте по пище? Не хочу готовить обед. А время уже поджидает, – спросила я сыновей, набирая одновременно доставку, уверенная в согласии моих мальчишек.

Надо завершать сборы. Закругляться с разрухой.

Стукнула и зашла к Женечке. Он сидел за столом и, высушив кончик языка, рисовал простым карандашом и сангиной. На углу стола, на подоконнике окна, на полу рядом со стулом

уже лежали отброшенные, готовые, отработанные рисунки. Монохромные. Все.

На моё появление он, не отрываясь от своего занятия, крутанул кистью свободной рукой «фонарик».

С младшим сыном понятно. Лучше сейчас не трогать. Сам выползет, когда закончит.

Женечка очень не любит, когда его отвлекают. И сильно переживает, если трогают и рассматривают его ещё не готовые работы.

Я поэтому не стала смотреть внимательно, но глаз невольно выхватил удивительную схожесть моего мужа и Ларисы Васильевны на рисунке сына. А вживую не так заметно. Или это я не вижу? А вот мой больной взгляд из-за плеча на следующем листе. Хотела подобрать, чтобы рассмотреть, но Женька закаменел плечами и засопел.

Всё-всё! Ухожу уже.

Оглядела комнату. Да... Кто-то, похоже, разбирать будет здесь до ночи.

Ла-а-а-адно.

Вышла, прикрыв двери, и столкнулась с Юркой.

– Не трогай его пока. Пусть выплеснет свой страх в рисунок. Потом зайдёшь. Ты что-то хотел? – спросила я.

– Ма, закажи две пиццы?

Юра в последние месяцы был постоянно голоден. Организм перестраивался, вырослел и требовал топлива. Так что холодильник у нас в доме наполнялся телегами.

Обычно по субботам мы с Юрой ехали закупаться на машине, чтобы не тащить тяжёлые сумки. Алексей с нами не ездил. Считал, что покупать в таких количествах в торговых центрах неприлично и что это нищенство. Нельзя экономить на продуктах.

Может, и нельзя. Только свежесть мяса определяется не брендом магазина, а условиями хранения. Я просто перестала говорить мужу, где и что я покупаю. А в помощники себе брала старшего сына.

К примеру, рыбу я покупаю много лет напротив через дорогу. В ангаре Портхлагокомбината.

В этот раз всё пошло наперекосяк, поэтому я заказала доставку на дом из тех продуктов, что не требуют серьёзного выбора, и решительно продолжила сборы, стараясь не думать, что я делаю и почему.

Ведь память мою не уберёшь в коробку и не спрячешь в шкафу.

Просто надо собрать все вещи мужа в коробки. И точка!

Потом помочь мальчишкам в комнатах.

Потом наготовить на неделю полуфабрикатов. Нажарить и заморозить котлет, намариновать рыбу, сварить борщ.

Моей целью было упахаться так, чтобы устать физически. Чтобы доползти до кровати и упасть, потому что завтра на работу, на которой я не имею права быть не собранной.

И всё равно несмотря на то, что устала до дрожащих рук, уснуть сама, без таблетки, я так и не смогла.

Невозможно не думать о муже в нашей семейной кровати, которая ещё помнит его. Или это я помню, с какой стороны он ложится, как любит прохладный воздух, каким одеялом любит укрываться. Как любит меня обнять, подгрести под себя, словно плюшевую игрушку, и уткнуться в макушку.

Любил.

Утро было сложным.

Вот из-за чего не люблю снотворное – потому что наутро голова как ватой наспигована. И одна мысль пробивается сквозь этот кисель: никогда больше!

До следующего раза. Да.

Автоматически накормив и выпроводив мальчишек в школу, я, только прогревая машину, вспомнила, что мы с Юрой не затолкали героически собранные вчера коробки в багажник. Я же хотела вечером заехать на почту и отправить посылки.

Придётся перенести на завтра. Не страшно.

Я работаю на Войковской. Мне от Левобережья добираться минут двадцать-тридцать со всеми пробками и нежданчиками. Это очень удачно. Собственно, расположение нового предприятия и стало решающим при выборе трудоустройства.

На заре моей трудовой деятельности мне пришлось полтора года ездить на службу по два часа в один конец. И это было, с одной стороны, ужасным расточительством времени, а с другой... С другой стороны, это было только моё время.

Без забот о муже и о мальчишках. Я слушала книги в машине. Музыку. Разговаривала по телефону. Я просто была одна. Сама с собой.

Ну не считая миллионов машин на дороге...

На работе после утренней пятиминутки в преддверии летних отпусков открылось паломничество в бухгалтерию. И налоговая вызывала на сверку. До обеда мне некогда было голову поднять от бумаг и оторвать глаза от монитора.

Полдня пролетело, словно одно мгновение. И только после обеда, разбирая дебиторскую задолженность, я вспомнила!

Балда!

Надо же было проверить и заблокировать нашу семейную карту! Мне же ипотеку платить через неделю! А если Лёшка обнулil счёт? Что я буду делать?

Руки вспотели, в голове зашумело и сердце, закаменев, упало в желудок ледышкой.

Одиннадцатая глава

Эта приобретённая и выпестованная за много лет брака привычка доверять родному мужу меня подвела.

Конечно, на балансе карты остались жалкие две тысячи.

Видно, снимал круглую сумму. Гад! Он же знал о предстоящем платеже!

Чёрт! Чем платить ипотеку на неделе? Зарплата только через две. Мне нужно перехватить где-то денег.

Я неплохо зарабатывала сейчас. Достаточно для нашей жизни.

Если бы не кредиты.

Я же ещё на Лёшину машину оформляла кредит! Неделю назад. Чёрт!

Ох!

У меня идеальная кредитная история, и Алексей, ссылаясь на свои косяки, попросил оформить машину на меня.

И я доверчиво, как идеальная жена, пошла и сделала, что он просил. Ведь я была уверена – всё, что он делает, идёт на благо семьи.

Идёт. На его благо. Чтобы Алексей мог разъезжать на дорогой машине и в дорогом прикиде. Очевидно же, теперь это ему для чего-то надо. И это вовсе не на благо семьи!

Нужно всё посчитать и придумать, что делать.

И мне нужен юрист по гражданским делам.

Срочно! Сегодня!

У нас немаленькое предприятие. И есть, естественно, свой юридический отдел. Возможно, мне смогут посоветовать специалиста.

Не хотелось бы, конечно, светить на работе свою рухнувшую семейную жизнь, но и идти к незнакомому адвокату мне было стрёмно.

Да и шила в мешке не утаишь. Всё равно юристы и кадровики все узнают. Что уж теперь скрывать. Мне нечего стыдиться! Это не мой позор.

Злость накрывала меня кипящей волной.

На мужа, что предал и бросил с долгами. На себя. За то, что доверяла.

Интересно, он знал об уходе заранее и готовился, или это спонтанное решение? Раньше я бы с уверенностью ответила, что утром пятницы Алексей ещё не знал, что после обеда его жизнь резко изменится. А теперь, теперь я сомневалась во всём. И видела в Лёшкином желании оформить кредит за машину на меня очередную его подлость перед расставанием.

Видела насмешку в его нежности в той ночи.

И была отвратительна сама себе.

За то, что влипла в такую гадость.

И вот что странно, мне, несмотря на понимание ситуации, было стыдно признаться людям в том, что я развожусь. Будто

это моя вина. Будто это я предала и бросила семью. Будто я всё разрушила.

Почему нагадил мой муж, а чувствую себя испачканной и грязной я? Странно устроена психика. Или это такое общественное мнение, что женщина всегда виновата?

Одна из девочек юридического отдела дала телефон адвоката. Она сама недавно пользовалась его услугами, несмотря на собственное образование. Говорит, что много специфики и тонкостей, поэтому лучше довериться специалисту.

Я созвонилась и договорилась на вечер.

И отправила своё резюме для подбора дополнительной работы. Если попадётся парочка небольших фирм, которые можно было бы вести удалённо, то это будет просто идеально.

Это бы решило финансовую проблему полностью.

Но мне нужны деньги прямо сейчас. На следующей неделе.

Как можно было быть настолько слепой? Курица, блин.

– Мам, привет. У меня не очень хорошие новости. Я с работы сейчас и долго не буду говорить, – набралась я наглости, понимая, что не в силах терпеть до вечера неизвестность.

– Что-то серьёзное? – взволновалась мама.

– Я развожусь, – рубанула, чтобы не тянуть.

– Славно, что ты наконец-то увидела, с каким козлом живёшь! Расскажешь подробности? – огорошила меня моя вы-

держанная и спокойная мама.

– Не с работы. Вечером, – растерянно проговорила я.

– Я рада. И буду ждать. Ты что-то хотела? – спросила моя деловая мама.

– Ма, дай денег на небольшой срок. Мне нечем платить за ипотеку в этот раз. – выдохнула в трубку.

– Он тебя ограбил? Ладно. Потерплю до вечера. Но! Ты заставляешь старую женщину ждать новостей! – взбодрилась мамулька.

– Ма! – возмутилась я.

– Тебе сколько нужно? Я переведу, – совсем другим, деловым тоном спросила мама.

– Спасибо, люблю! – я написала ей сумму и отключила телефон.

Ну вот. Срочное сделано.

Спасибо, что у мамы есть возможность мне помочь!

Моя мама на второй день после оформления пенсии уехала жить на море в Севастополь. Это было почти десять лет назад. Ещё до реформы. И это её сильно радовало.

В Крыму мама сняла жильё и счастливо живёт там. А свою московскую квартиру на Соколе тогда же сдала в аренду.

Вот такая рокировка.

Мама у меня человек прямой и решительный. И после развода с отцом живёт без мужчины. Не доверяет никому. Как-то я никогда не спрашивала её о причинах. Неловко было. Или не время.

Ей мой Алексей не понравился сразу, и мама своего отношения не скрывала никогда. Общение их всегда происходило натянуто. Мама старалась не лезть к нам с советами, но удержаться от острых замечаний в адрес Алексея при встречах могла редко.

Когда она уехала из Москвы, мы все вздохнули свободней. Тогда же у меня родился Женечка. Так что мне было спокойнее, что мои любимые люди не шипят друг на друга. А мне не приходится их разводить их по углам и утешать каждого.

И маме там на море хорошо.

Севастополь – большой город. Не Москва, конечно, но и не совсем провинциальный городок. Маме там комфортно. Привычно.

Я с удовольствием летала к ней в отпуск летом и на новогодние каникулы с мальчиками.

А Алексея никто не троллил за его снобизм. И не указывал ему на его семейные обязанности. Потому что мама за все эти годы ни разу в Москву не возвращалась.

Двенадцатая глава

Адвокат принял меня в своём офисе. В юридической конторе, где одновременно принимали в своих кабинетах специалисты различного профиля. От гражданских до уголовных дел.

Представительный мужчина чуть меня старше, судя по глубоким носогубным морщинам и стрелке между густыми, тяжёлыми бровями над пронзительными стальными глазами. Жёсткими. Весь словно рыцарский двуручный клинок. Седые виски. Стальной костюм. Серебристый галстук.

И манера вести диалог тоже очень напористая и прямая. Неудобные вопросы.

Про ипотеку с задействованным материнским капиталом и про мой кредит на машину мужа. Про дом на даче. Про детали совместного ведения хозяйства...

Отвечая на вопросы этого железного человека, я явственно видела свои ошибки в перспективе развода. И всё больше убеждалась, что Алексей готовил себе «плацдарм» и пути отхода.

Дожилась... Я даже мыслю теперь о нашей с мужем жизни терминами войны! Да и ощущаю себя как перед боем.

Злая. Сосредоточенная. Закаменевшая в ярости. Холодная.

Договорились подать заявление в суд на развод и на раздел имущества, на определение места проживания детей и на алименты. Весь фарш, в целом.

Даже если Алексей уже подал своё заявление, то, поскольку мы прописаны в одном месте, это не проблема. Это в любом случае не проблема. Но мне хотелось почему-то мужа опередить в соревновании – кто быстрее подаст на развод. Как будто от этого поменяется мой статус. Из брошенной жены я магически превращусь в женщину, желающую свободы.

Я подписала договор, оплатила аванс и в целом удовлетворённая встречей, решительно вылетела из кабинета.

Чтобы налететь на проходящего мимо мужчину.

От столкновения моя сумка вылетела из рук и, шлёпнувшись на пол, разлетелась по коридору бумагами, косметической, ключами, всем многочисленным содержимым большой сумки работающей женщины. А сама я чудом не упала, вцепившись в лацканы пиджака удерживающего меня от падения незнакомца.

Мир застыл на выдохе. Я вдохнула неожиданно приятный запах чужого мужчины, застыла на мгновение, удерживаемая сильной рукой, и отстранилась. Чуть преодолевая его сопротивление.

– Девушка, что же вы так неосторожно, милая. Давайте, я вам помогу собрать вещи, – говорил незнакомец, пока я приходила в себя.

Он сделал шаг в сторону и наклонился, подбирая бумаги.

Я присела на корточки, собирая рассыпанное, и, случайно, взглянув на распрямившегося... поймала его недвусмысленный интерес в сторону моих обнажившихся из-под юбки колен. Очень такой мужской взгляд.

Ой!

Волна смущения окатила меня теплом. А следом за неловкостью пришла злость. Вот же кобели!

Я вначале невольно дёрнулась прикрыться. Первое естественное желание.

– Может быть, вы продолжите собирать бумаги, а не будете пялиться на меня? – спросила я с вызовом.

– Отчего бы не совместить приятное с необходимым? – улыбнулся незнакомец и, опустив взгляд на подобранный только что подписанный договор с адвокатом, продолжил, поднимая одну бровь, – Анастасия Владимировна.

Я фыркнула и вернулась к сгребанию содержимого в сумку, не обращая внимания на незнакомца. А когда закончила и захотела подняться, с удивлением наткнулась на протянутую широкую ладонь. Руку поддержки.

Мужчина помог мне подняться и, глядя в глаза, придерживал мою ладонь в своей.

Он что, со мной заигрывает?

– Будьте осторожны Анастасия Владимировна, – сказал незнакомец, протягивая мне собранные бумаги и, опустив взгляд, указывая глазами на четырёхугольник визитки, продолжил, – приятно было познакомиться.

– Вы полагаете, что столкнуться с вами – это приятность? – хмыкнула я.

– Это судьба – поднял этот нахал свою чёртову бровь, глядя на меня с усмешкой в глазах.

– Прощайте, – фыркнула и поторопилась в сторону выхода.

Выезжая с парковки и перестраиваясь в привычный поток в сторону дома, я с удивлением поймала себя на улыбке.

Я что? Флиртовала?

Ничего себе новость... Настя! Ты ещё не развелась с одним ловеласом, как наткнулась на другого!

Пока была замужем, несмотря на то, что по работе я много и часто контактировала с разными мужчинами, интереса во мне никогда никто не вызывал. Похоже, в моём сознании я была так глубоко замужем, что просто не идентифицировала других мужчин по гендерному признаку. Люди и люди. Сотрудники. А стоило подать заявление на развод и...

Что?

Да ничего... пока!

Слишком много злости на изменника. И подозрение в неверности всех мужчин.

С одним бы разобраться.

Хотя кольца на пальце незнакомца не было...

Настя!

Около дома на наших с мужем парковочных местах, раскорячившись поперёк, стоял здоровенный внедорожник.

Нормально.

А мне куда?

Я приткнула машину, как могла, и походив вокруг монстра, отчаянно размахнувшись и вложив в удар всю злость, пунула переднее левое колесо.

Раскоряка внезапно откликнулась включением сигнализации.

Прекрас-с-с-с-сно!

На вопли сирены выглянула соседка со второго этажа. Пожилая дама, чьи окна выходили на крыльцо нашего дома и чьим излюбленным занятием было сидеть у окна и наблюдать за жизнью жильцов и их активностью. Она с подружками, такими же равнодушными соседками, ежевечерне собиралась у подъезда для обсуждения. В целом, безобидная старушка. Если не пересекаться с ней интересами.

– Что буянишь, Настенька? – высунулась в окно соседка.

– Не знаете, к кому приехал этот монстр? – спросила я её.

– Как же не знать? Знаю. К подруге твоего мужа с седьмого этажа. В угловой квартире живёт. К ней часто такие гости приезжают, – настучала бабулька.

– Спасибо!

И только когда зашла в лифт, до меня дошли слова соседки. Подруга моего мужа? Ещё одна?

Тринадцатая глава

Обида захлестнула горло горячей петлёй. Передавила. Не вздохнуть. Ах, ты ж...

Я помнила эту смешливую молодую девочку, вероятно, студентку, что снимала однокомнатную квартиру на седьмом этаже. Лет двадцать навскидку девчужке. И к ней?

Я вскинула взгляд и поймала своё отражение в зеркале лифта. Губы сжаты. На щеках красные пятна. В глазах отчаяние...

Это я?

Я теперь всех буду подозревать вокруг? Сотни женщин, с которыми мой муж пересекался на работе или дома?

Ой, не пойду я к этой соседке! Не хочу я точно знать ничего. Ещё не хватало по навету первой сплетницы двора бегать на разборки. Да и неважно уже.

Неважно как было на самом деле в нашей жизни с Алексеем. Что правда, а что нет.

Изменял он мне с кем-то одним или с табуном – какая разница?

Важно, как я относилась к нему. Почему не замечала? Важно, как я отношусь сейчас. Как буду реагировать в будущем. И что я вынесу для себя из всего этого.

И анализировать свою жизнь я буду потом.

Сейчас, по горячей обиде и рвущей душу боли заниматься копанием в причинах будет неверным. Можно лишнего накопать и увериться в ненужном.

Я дам время остыть эмоциям, и только с утихшей в душе раной начну думать обо всём.

О том, почему я не замечала его измен. И почему он изменял. Всё потом. Я буду думать об этом потом.

Пока лифт донёс меня до нужного этажа, я передумала идти к соседке. Ну, поставила машину в другое место. И что? Тоже мне – трагедия. К ночи переставлю, и всё.

Сейчас главное – выползти из финансовой ямы, куда, в том числе и по милости Алексея, я рухнула.

Так поняла из речи адвоката, с кредитом на машину есть отработанный механизм. Решаемый. Можно договориться по-хорошему и перевести нотариально на мужа машину, если он обязуется выплачивать долг. Но можно и по-плохому.

С дачей вообще не должно быть проблем. Участок был ещё мамин. Когда Милка вышла замуж за своего Николая и уселась дома образцовой домохозяйкой, мама разделила между нами «наследство». Мне дачу, а Милке бабушкину двушку в пятиэтажке на окраине Кузьминок. Мама до сих пор опасается, что Милкин Николай Степанович выгонит её из дома с детьми и заменит на молодую жену. Но это другая история.

Перестраивали дачный дом мы с Алексеем в браке. Но перестраивали и ремонтировали, а не строили с нуля.

Дом у нас был в хорошем месте. Маме дали на работе участок недалеко от Климовска. Сейчас это место в черте города Подольска. Практически Москва. Да и дом у нас добротный. В целом наша дача, пожалуй, будет подороже нашей квартиры.

Ну и ипотека. Самое болезненное место.

Нужна ещё работа.

Опять!

Только я устроилась как нормальный человек, чтобы не скакать раненым лосем по трём местам. Видно, придётся вновь впрягаться в эту карусель. Хорошо, что мальчишки уже выросли и не требуют такого внимания, как малыши.

И спасибо нашему тренеру, что взял на себя львиную долю мужского воспитания.

Я гоняла эти мысли по кругу, заходя в квартиру и готовя ужин. Бесконечно. Словно жвачку.

Из этого заторможенного состояния меня вывел мамин вечерний звонок.

Я рассказала ей всё, что знала о демарше своего мужа. И она, после небольшой паузы вдруг стала говорить совсем о другом.

– Я не понимаю, как так получилось, что вы, мои девочки, стали так держаться за своих мужиков. И я чувствую в этом свою вину. Из-за того, что я выгнала из нашего дома изменника-мужа, вы, мои дочери, теперь боитесь остаться одни. Что ты, что старшая. Та вообще всё прощает своему

обнаглевшему муженьку, лишь бы был. А ты жила с практически незаинтересованным в семье Алексеем и не замечала его недостатков. Тоже по принципу – должен же быть мужчина в доме! – сокрушалась моя мама.

– Я не знаю мама. И не готова сейчас говорить об этом. Мне очень больно. – проговорила я.

– Ты приедешь хоть на недельку?

– Не знаю. Я ищу ещё работу. И развод. Делёж, – начала я.

– На все судебные дела ты уже повлиять не сможешь. Хоть ночуй под дверью суда. На самый худой конец, я могу продать свою квартиру. Или ты сдашь своё жильё и переедешь ко мне. Нет паники и безвыходной ситуации. А без хотя бы короткого отпуска ты не сможешь нормально работать. Жду тебя! – закончила разговор моя решительная мама.

Я положила трубку и внезапно расплакалась. Что же ты, Лёша, натворил? Что наделал с нами?

Как же моя любовь? Она не важна для тебя?

А для меня?

Вновь мучительная ночь. И вновь ненужные мысли. И мучительные воспоминания.

Так и подкидывает память кусочки моей с ним жизни. Как крошечные цветные стёклышки в витраж. С острыми краями...

Утром случилось два события.

Во-первых, я получила на электронную почту предложение о работе. Недалеко от меня. На Тимирязевской. В обед

можно смотреть на собеседование.

А во-вторых, мой адвокат Сергей Александрович, позволил и сообщил мне о регистрации в суде нашего искового заявления. Моего.

Всё. Процесс запущен и неизбежен. Назад хода нет!

Я в этот момент очень остро прочувствовала поворотный момент в моей жизни. В моей истории. Будто этим заявлением я открыла для себя другие возможности, новые вероятности своей жизни.

Похожее состояние, похожее ощущение поворота своей истории, я помню, чувствовала, когда узнала, что беременна, в первый раз.

Это острое чувство – точки отсчёта.

Поэтому в обед на собеседование я летела решительно и не боясь. А что волноваться? Или подойдёт мне работа, или нет. Других вариантов-то нет.

Директор мне понравился. Он был корректен, спокоен и точно знал, чего хочет. И, самое главное, ему было даже удобнее работать со мной на удалёнке. В целом, это предложение работы почти покрывало мою потребность в деньгах.

Конечно, так вольготно, как с Лёшкиной зарплатой, нам жить не удастся, но и нищенствовать не будем. Хватит и на ипотеку, и на проживание.

Что-то знакомое было в облике этого нового директора. Где-то совсем недавно я с таким сталкивалась. Тембр голоса, манера говорить, рост, глаза... Узнавание щекотало на краю

сознания, но не пробивалось наружу.

Ну да не страшно. Всё тайное, если так нужно, то выплывет явным.

Просто нужно подождать.

Четырнадцатая глава

Вернулась на работу и обнаружила уведомление из налоговой о встречной проверке. Не страшно, но всё одно к одному.

Время и нервы.

Выкинула на время все проблемы из головы и сосредоточилась на работе, пока не раздался звонок адвоката. Сергей Александрович спросил, могу ли я договориться по поводу машины с мужем через нотариуса или нет.

Ну что сказать? Могу или нет? Знать бы, где этот муж бродит ещё, чтобы начать договариваться. Телефон его реально не отвечал.

Хм...

Но на работу-то он, вероятно, ходит?

Ла-а-а-адно. Подумаю об этом вечером. А пока – работать.

Вечером решение так и не появилось.

С одной стороны, очень не хотелось и было унижительно идти незваной. Моральное давление и ощущение себя брошенной ненужной вещью выползли во мне из какого-то средневековья. Ну правда же? Что за бред? В чём мой стыд-то? Это я, что ли, оставляю семью и детей без поддержки и внезапно?

Промучившись тем не менее полночи над дилеммой, идти или нет на работу к Алексею, я утром пораньше всё-таки поехала.

Ненавижу неопределённость. Сейчас я всё узнаю и всё увижу своими глазами. Окончательно.

Настроение было боевое. И кроме злости на загнавшего меня в такое состояние мужа ко всему ещё примешивался азарт охотника. Решительно повернула на маленькую дорожку, что выводит к главному входу.

Алексей работает в автосалоне. Продаёт автомобили. Собственно, мы и познакомились с ним там.

Я поступила в университет, и мой папа решил сделать мне подарок на вступление во взрослую жизнь, купив машину. Немного неожиданно, но приятно. Мама поджимала в недовольстве губы и молчала, а мы с отцом приехали в автосалон за новеньким Пежо. Очень мне нравилась тогда эта маленькая глазастенькая машинка. Для девочек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.